

циональный статус и анализ специфических проблем региона. Представлены следующие регионы: арабоязычная область (Африка и Ближний Восток), Австралия, Бельгия, Бразилия, Китай, Индия, Италия, Япония, Югославия, Канада, Карибский бассейн, Каталония, Люксембург, Мексика, Восточная Африка, Папуа — Новая Гвинея, Перу, Швейцария, Сингапур, Скандинавские страны, СССР (автор Л. П. Крисин), Южная Африка, юго-запад США (рассматриваются, главным образом, проблемы испаноговорящего населения), Западная Африка.

В шестом разделе собраны статьи, касающиеся проблем исторического развития языка. Пройде всего отмечается связь между социальными и языковыми изменениями (разумеется, посядая сложный и опосредованный характер). Важную роль в истории языка и фиксации его социальных параметров играет возникновение письменности и последующая стандартизация с появлением литературного языка. Помимо традиционных факторов языковой вариативности, таких, как территориальное расчленение языка (возникновение диалектов), в последнее время особое значение приобретают и другие факторы: индустриализация и урбанизация, развитие профессионального и научно-терминологического языкового слоя и др. Особую роль играет языковая политика крупных многоязычных образований, возникших в ходе насильственного объединения этносов (колониализация) — так называемые языковые империи.

Специальные очерки посвящены рассмотрению исторических изменений языковой системы: звуковым изменениям и изменениям в значении слов, а также грамматическим изменениям (с учетом процессов креолизации языков).

В двух заключительных разделах энциклопедии дается обзор приложений социалингвистической теории и практических методов осуществ-

ления социалингвистических исследований. В качестве важнейших прикладных задач социалингвистики всегда на первом месте стояли задачи стандартизации и нормализации языка, в том числе разработка письменности и выработка литературной нормы. Другой важной сферой применения социалингвистических знаний является преподавание языка для различных целей. Наконец, практической сферой применения социалингвистики является так называемая «речевая терапия» (особенно интенсивно развиваемая в ФРГ), лечение расстройств речи и т. п.

Три статьи последнего раздела а знакомят читателя с историей собственно социалингвистических исследований, исследовательской политикой и структурой современных социалингвистических учреждений в мире.

Что можно сказать об издании в целом? Конечно, как всякое издание такого объема и такого жанра, оно не лишено определенных недостатков: статьи иногда довольно сильно различаются по научному уровню (как кажется, принцип репрезентативности был для составителей справочника важнее), а также по концепциям авторов; в ряде случаев предлагаемые обзоры производят впечатление слишком сглаженных, не дающих достаточного представления о действительных противоречиях социалингвистических теорий и сложности языковых ситуаций. Однако все эти недостатки искупаются прежде всего высокой научной культурой издания. Как представляется, именно в этом качестве оно было бы особенно полезно читателю в нашей стране, где, с одной стороны, социалингвистические проблемы в настоящее время необычайно остры, а с другой стороны, «академическая» социалингвистика, в прошлом деформированная идеологическими предрассудками, часто и по сей день далека от научного идеала.

Пауляни В. А.

Ioannis C. Tarnanidis. The Slavonic manuscripts, discovered in 1975 at St. Cathrine's monastery on mount Sinai/ Publish. by St. Catherine's Monastery Mount Sinai and the Hellenistic Association for Slavic. Studies. Thessaloniki, 1988. 363 p.

В 1975 г. произошло замечательное событие: в древнем монастыре Св. Екатерины на горе Синай были найдены славянские рукописи. В 1988 г. вышло описание этих рукописей Иоанниса Тарниандиса, профессора университета в Фессалониках, президента университетского центра византийских исследований, генерального секретаря греческой ассоциации по славистике. Издание этой книги посвящено XIII столетиям существования Фесса-

лоник, места рождения Кирилла и Мефодия.

И. Тарниандис проделал громадную работу, разобрав листы славянских рукописей, лежавших в беспорядке вместе с листами арабских рукописей, изучив их и подробно описав.

Итак, описана 41 рукопись. 5 из них написана глаголицей, а 36 — кириллицей. 3 рукописи можно отнести к старославянским, 3 — к русским, 2 — к рус-

ско-молдавским, 8 — к болгарским, 24 — к сербским.

Распределение найденных рукописей по векам следующие: XI в. — 3, XII — XII вв. — 2, XIII в. — 7, XIII—XIV вв. — 5, XIV в. — 19, XV в. — 2, XVI в. — 1. По содержанию рукописи разнообразны (о неточности некоторых заголовков ниже): Ехологий — 3, Житие Василия Нового — 1, Каноны-кондаки — 1, Лекционарий — 1, Литургия — 4, Миней — 5, Миссал — 3, Номоканон — 1, Оклох — 1, Палимпсест — 1, Псалтырь — 9, Сборник — 1, Сборник аскетический — 2, Сборник служб — 1, Службы канон — 2, Типикон — 1, Триводе — 1, Часослов — 1, Четвероевангелие — 2.

Рукописи описаны достаточно подробно по следующему плану: 1) название; 2) шифр; 3) датировка; 4) извод (сербский, болгарский, русский, молдавско-русский)¹; 5) материал (пергамен или бумага); 6) количество листов; 7) размер листа; 8) размер текста; 9) количество строк; 10) утраты; 11) краткая характеристика почерка; 12) заголовки и их раскраска; 13) характеристика инициалов; 14) количество писцов; 15) краткая характеристика орфографии; 16) полнотное описание содержания. В особо подробных описаниях даются греческие параллели и библиография. Наиболее подробно описаны Синайский ехологий, Синайская псалтырь, Синайский миссал, Псалтырь Дмитрия Олтарника, Бычковская псалтырь, т. е. наиболее ценные рукописи.

Это исчерпывающее описание дополняется подбором 34 прекрасных снимков, которые позволяют расширить наше знание о рукописях. Но особенно приятно специалистам получить полное факсимильное воспроизведение вновь найденных листов Синайского ехология, Синайской псалтыри, Бычковой псалтыри, Добротворного евангелия и сербской Псалтыри середины XIII в. К сожалению, мы не имеем снимков с 15 рукописей из 41.

Прочитав книгу И. Тарнидиса, убеждаешься, что это не просто полное описание рукописей, но это описание-исследование. Тщательно анализируя рукописи, автор высказывает много интересных соображений и по поводу содержания, и по поводу датировки, и по поводу почерков.

Далее мы хотим оценить значение найденных рукописей для славистики и за-

одно согласиться или не согласиться с некоторыми высказываниями автора описания.

1. Под номером 1/N описываются вновь найденные 28 л. Синайского ехология. И. Тарнидис убедительно доказывает, что эти 28 л. принадлежат именно этой рукописи. Ученый опирается не только на палеографию и кодикологию, но и на содержание текста. Так, лл. 5—12 содержат молитвы, и л. 12 кончается словом *eu*, а первый лист Синайского ехология начинается с *дѣвше*. Это молитва иерусалимского патриарха Софрония. Таким образом, лл. 5—12 существенно дополняют начало одной из самых древних славянских рукописей. Листы же 13—28 прикрывают к концу рукописи Ехология, потому что содержат чтения из Апостола и Евангелия на все дни недели, начиная со вторника, а Синайский ехологий кончается апостольскими и евангельскими чтениями на понедельник. Особенно важны из 28 листов лл. 1—4, содержащие молитвы служб суточного круга. Если сложить эти 4 листа по их номерам, которые были им даны сразу, то получится следующая последовательность служб: часы, вечерня, утреня. И. Тарнидис считает возможным сложить эти листы и по-другому: 4, 4 об, 1, 1 об, 2, 2 об, 3, 3 об. В таком случае службы следуют в порядке служб Часослова: молитвы утрени, молитвы часов, молитвы вечерни. И. Тарнидису это кажется тем более убедительным, что в такой же последовательности названы службы в Житии Кирилла, когда речь идет о том, что он перевел на славянский. Византийский Часослов отражает палестинский монашеский Типикон Саввы Освященного, который распространился в IX в. в монастырях Константинополя и повлиял на Типикон Великой церкви. Воспроизведение этих листов в издании позволяет нам предложить другое решение вопроса — сложить листы в следующем порядке: 2, 2 об, 3, 3 об, 4, 4 об, 1, 1 об. Тогда службы будут расположены в обычном порядке греческого Ехология: вечерня, утреня, часы. И. Тарнидис пишет, что 3 утренние молитвы на л. 4—4 об. согласно классификации М. Арранца, принадлежат греческому Ехологию типа А (списки IX—XIII вв.), который хорошо сохраняет традицию пензенного последования Великой константинопольской церкви (с. 77). Молитвы 3 и 6 часа на лл. 1, 1 об — это молитвы, сохранившиеся в тех немногих Ехологиях, в которых наиболее полно отразилась традиция пензенного последования. Такие Ехологии мы имеем в рукописях Vatic. Barbet. Grec. 336 (VIII—IX вв.), Синайская 958 (XI в.), изданная А. А. Дмитриевским [1, с. 143—145].

¹ Таких определений нет при описании глаголических рукописей. Нам кажется, что автор напрасно отказывается от этого. Синайскую псалтырь, Синайский ехологий и Синайский миссал можно приписать к старославянским памятникам; Псалтырь Дмитрия Олтарника и Миней (№ 4/N) — к болгарским.

Итак, Синайский евхологий, по нашему мнению, хорошо сохраняет особенности песенного последования (εὐχολογία) древней соборной службы. Конечно, требуется дальнейшее исследование этого трудного вопроса. Болгарский исследователь Б. Чифлянов считает, что солунские братья перевели чин Великой церкви, что и подтверждается вновь найденной частью Синайского евхология. Если в ранний период славянской письменности мог быть переведен и Миссал, то, возможно, были переведены и разные типы Евхологиев: и более древнего типа, в котором отразилось песенное последование, и более позднего типа, в котором находим влияние палестинского богослужения по Типикону Саввы Освященного. Поэтому текст Синайского евхология не противоречит сказанному в житии Кирилла: «Науци е утрѣнции, и часовомъ, и ве(че)рни, и паве(че)рници, и тайнѣи слоужбѣ» (Загребский список 1469 г.) [2].

других, найденных в 1975 г. или уже известных Псалтирях, покажет, была ли одна редакция перевода или несколько. Это важно для истории перевода библейских песен на славянский. На 31об — 32об находим древнейший славянский устав вечерни палестинского монастырского Тихикона, переведенный с греческого, на что указывает термин *спасерий* — *εσπερινός*. Для историков славянского богослужения такая находка очень важна. Значение найденных листов определяется еще и тем, что мы теперь имеем древнейшие списки молитв Симеона «Нынѣ отпусти раба твоего», утренней песни «Слава въ вышнихъ б(о)гу», вечерних песен «Свѣте тихій», «Б(о)го)родице дѣво радуйи сѧ».

вым особенностям подпольного текста был сербом» [3, с. 73]. А о том, что в Синайском монастыре было много сербов в XIII—XIV вв., мы знаем по историческим данным. Найденные 17 листов дополняют начало и конец синайской части. Очень важно и то, что на последних листах написаны 5 библейских песен, что дает возможность сравнить их с библейскими псалмами Синайской псалтыри.

Бычковская псалтырь представляет особый интерес для исследователей восточнославянской письменности по следующей причине. В XI в. на Руси правились богослужебные гимнографические книги. Можно предположить, что правились и Псалтыри. Не сохранила ли Бычковская псалтырь правку того времени? В. И. Срезневский, исследовавший эту Псалтырь, писал, что редакцией Бычковской псалтыри пользовался Владимир Мономах, который цитировал и богослужебные гимнографические книги русской редакции XI в. Кроме того, В. И. Срезневский обнаружил сходство редакции Бычковской Псалтыри с редакцией, сохранившейся в новгородских списках XIII—XIV вв. [5, с. 14—17]. Это же можно сказать и о Триодях русской редакции XI в., которая до нас дошла в нескольких новгородских списках XIII—XIV вв. Вопрос о редакции Бычковской псалтыри требует дальнейшего исследования, чему будет способствовать факсимильное издание в книге вновь найденных листов.

Из остальных 5 Псалтырей наибольшее значение имеют сербская Псалтырь середины XIII в. и болгарская того же времени (№8/N и №25/N).

3. Пять рукописей, содержащих службы праздникам и святым, И. Тарнидис называет Минеями, но мы согласны с ним не во всех случаях. Минеей следует называть рукопись или отрывок из нее, если службы минейного цикла ставятся подряд: или по всем числам месяца, или только по праздникам. Так, рукопись 4/N можно назвать Минеей, потому что написаны подряд служба на Рождество Иоанна Крестителя 24 июня и служба апостолам Петру и Павлу 29 июня. Между этими двумя числами есть еще минейные службы, но это службы небольших праздников. Следовательно, рукопись 4/N — это Праздничная минея (Festive Menaion). Название Small Menaion — малая Минея применительно к славянским Минеям не употребляется.

По этой причине остальные 4 рукописи — 11/N, 33/N, 34/N, 35/N, содержащие минейные службы, следовало назвать иначе. Рукопись 33/N, в которой записаны службы на 2 января, 29 августа, 31 августа, и рукопись 34/N, в которой находим службы на 25 декабря, и на 25

марта, можно назвать богослужебными сборниками (Micellany of services).

Рукописи 11/N и 35/N, содержащие по одной службе, можно назвать по наименованию этих служб. В таком случае 11/N — это служба на перенесение мощей первомученика Стефана 2 августа (Service of the Translation of the relics of the Protomartyr Stephen), а 35/N — служба св. Стефану (Service of the St. Stephen). Эти службы могли быть дописаны в любой книге, как, например, в рукописи 15/N, где наряду с каноном Богородице, который мог быть написан в Часослове, Октоихе, Требнике, находится канон на Преображение (4 августа).

До сих пор были неизвестны Минеи, написанные глаголицей, поэтому самая замечательная рукопись из 5 названных — это 4/N — 2 листа глаголической Минеи. Мы согласны с И. Тарнидисом, который считает, что именно такую книгу перевели Солунские братья, с помощью которой можно было править службы различным святым — Праздничную минею. Находка этой рукописи, написанной в Болгарии, подтверждает нашу мысль о том, что у южных славян до XIV в. были только Праздничные минеи, а полная Минея появилась во второй половине XI в. у восточных славян в связи с правкой богослужебных книг. Набор богослужебных гимнографических книг отличался у восточных и южных славян до XIV в. У восточных славян были полные Минеи, нотиروанные Кондакари, нотиروанные Стихиры, нотиروанные Ирмологии, Триоды с обязательным делением на постную и цветную часть. А у южных славян были Праздничные минеи, Триодь полная, не разделенная на постную и цветную часть, нотируемые богослужебные книги отсутствовали. Это можно доказать текстологическим путем. Отрывок такой древней южнославянской Праздничной Минеи мы и находим в списке 4/N.

Воспроизведение двух страниц рукописи на снимке 11 позволило сравнить службы этой Минеи со службой болгарской Праздничной минеи XIV в., которая сохраняет текст до правки на Афоне (ГПБ, Ф. п. 1.72). Это сравнение показало, что Минея XIV в. имеет другую редакцию служб, но эта редакция ближе к редакции древней глаголической Минеи, чем к редакции полной Минеи в русских списках. Очевидно, редакция болгарской Минеи XIV в. создана на основе этой древней редакции, сохранившейся в глаголическом списке XI—XII вв. Так, канон Петру и Павлу 4 гл., известный только по трем греческим рукописям (с. 100), является общим для обеих южнославянских Миней. Сближает их и то, что в обеих Минеях между службами 24 и 25

кия отсутствуют другие службы. Очень важна и структура служб, записанных в глаголической Минее. Служба начинается с канона и кончается самогласными стихирами. Это позволяет провести аналогию со структурой шафариковской Триоди, в которой тоже самогласными стихирами заканчивается служба. В этой Триоди (ГПБ, Ф. п. 1.74) сохранилась одна из старших редакций перевода греческой Триоди. При этом шафариковская Триодь имеет несколько тропарей, написанных глаголицей. Возможно, что Триодь типа шафариковской и глаголическая Миней принадлежат к одному кругу богослужебных книг, переведенных с греческого в старшую пору одновременно.

4. Находка в Синайском монастыре глаголического Миссала (80 л.), как справедливо пишет И. Тарнидидис, «открывает новую главу в истории латинско-славянской литургической традиции» (с. 107). По приведенным в описании текстам видно, что текст писался в южнославянской среде, на что указывает мена еров (пѣснь — 20 л.). К подробному описанию рукописи, сделанному И. Тарнидидисом, можно добавить следующее. Судя по содержанию, по приведенным заголовкам, это другая редакция, отличная от редакции Киевского миссала. Это видно по переводу литургических терминов. Если в Киевском миссале *super oblata* передается как *надъ оплатъмъ*, то в Синайском миссале находим *надъ приношениемъ*. Слово *оплатъ* встречается только в Киевском миссале, а калькированный термин *приношение* употребляется и в других памятниках, таких, как Устюжская кормчая. Термин *communio* в Киевском миссале передается мораво-паннонским термином *въсѣдѣ*, заимствованным из древневерхненемецкого *wiz-zod* — евхаристия, причастие [6]. Этот термин встречается в Венском фрагменте, Жития Мефодия, Законе судному людям. В Синайском миссале *communio* переводится *брашенце*, как в Синайской евхологии [7], в котором встречаем и другой термин *кожѣкание*, обычный для Супрасльского сборника. Очевидно, редакция Синайского миссала более поздняя, чем редакция Киевского миссала, так как калькированный термин обычно появляется позднее, чем термин-транскрипция иноязычного слова. И. Тарнидидис пишет о сходстве круглой глаголицы Синайского миссала с круглой глаголицей Синайского евхологии (с. 105). (Самим судить по снимкам № 9 и № 10 невозможно, так как воспроизведенные листы плохо сохранились.) Возможно, такое сходство не случайно. Одинаковая передача столь важного термина, как *communio*, словом *брашенце* это подтверждает. Поэтому можно предположить, что Синайский ев-

хология и Синайский миссал происходят из одного киновийного центра. Об этом свидетельствует и употребление в обоих памятниках глагола *рачити* в значении «благоволить».

Таким образом, благодаря этой находке расширяется наше представление о культуре той далекой эпохи, когда Кирилл и Мефодий с учениками переводили не только богослужебные книги восточного обряда, но и книги западного обряда, потому что связи с латинскими клириками были достаточно тесными. И теперь оказывается, что Миссал по-славянски был в нескольких редакциях.

5. И. Тарнидидис называет еще две рукописи (28/N, 41/N) Миссалом, что кажется нам неверным: так следует называть только рукописи, содержанием которых является служба по западному обряду, как это мы видели при описании глаголической рукописи 5/N.

Рукописи 28/N, 41/N следует считать Часословами. Сюда же относится рукопись 26/N, неудачно названная Псалтырью, о чем было сказано выше, и рукопись 29/N, правильно названная часословом. Из них две (сербские) рукописи — 26/N, 28/N относятся к XIII в., — одна (сербская) 29/N — к XIV в. и одна (русская) 41/N — к XIII—XIV вв. Часословы XIII—XIV вв. — большая редкость. По Сводному каталогу рукописей, хранящихся в СССР, их всего два: БАН 13.7.9 (1 лист) и ГПБ, Q. п. 1.57.

Особенно интересной нам представляется русская рукопись XIII—XIV вв. — 41/N. Это один лист, текст которого можно прочесть на прекрасном снимке № 33. Для историков православного богослужения он будет особенно интересен. На нем написано начало чина курооглашения. И. Тарнидидис неправильно утверждает, что православие не знало такого чина, поэтому он полагает, что в этой рукописи сказывается влияние западного чина *gallicinus* (с. 184). Но форма самого термина говорит о его греческом происхождении. Курооглашение — калька с греч. *ἀκτοροφωία*. Это слово встречается в Евангелии от Марка (Марк, XIII, 35): «Не вѣсте бо, когда гѣ дому придетъ, вечер ли, или полуночи, или в курооглашение, или завтра (*ἀκτοροφωίας*)» [8]. В Апостольских постановлениях говорится о курооглашении как об одном из 8-ти часов молитвы, а Дионисий Александрийский понимает под курооглашением конец Великого поста [9]. «В 11 веке *ricav obktaç* продолжались до 3 или 4 часов ночи до нения петуха, момента, когда начинается *ὄρθρος*...» [1, с. 137].

По рукописи 41/N (с. 184) чин курооглашения начинается с тропари 2-го гласа «Отъ ложа и от сна въздвижи». И. Тарнидидис неверно пишет в описании

(№ 33), в рукописи написано *тре*. Такое написание слова *тропарь* — *трепарь* находим в рукописях, содержащих текст русской редакции конца XI в. После тропаря следует молитва «О слава тебе вл(а)д(ы)ко...».

С целью показать, что этот чин был известен на Руси и найденный отрывок не единственный, который содержит такой чин, можно привести следующие параллели. В списке Часослова XIV в. (ГПБ, Соф. 1052) находим последование, состоящее из молитв, нескольких тропарей и псалмов 107, 126, 127, 121. Оно начинается с уже упомянутого тропаря и молитвы. К сожалению, лист перед этим последованием в рукописи утрачен, и мы не можем судить, как оно называлось в софийском Часослове, но предполагаем, что это и есть чин курооглашения, тем более он написан непосредственно перед чином утрени. К сожалению, список Часослова (ГПБ, Соф. 1052) не сохранил первых листов с названием этого чина. А. М. Пентковский указал нам на рукописи ГИМ, Син. 325, которая содержит Псалтырь с Шестодневом. Она начинается так:

«П(с)лмъникъ о бѣзъ починамъ... Оуставъ стѣмъ горы. мѣтвы курог(с)мѣ. како подобакъ (т) пѣ(т) в кѣльи мнхо(м)» [10]. Далее записаны вышеупомянутые тропарь и молитва, а затем идут псалмы 107, 126, 127, 121. Итак, в этой рукописи XIV в. содержится тот же чин курооглашения. Но что особенно важно, кодикологический и палеографический анализ листа под номером 41/Н (по снимку), на котором содержится начало чина курооглашения, показал, что этот лист принадлежит рукописи Часослова конца XIII — нач. XIV в., хранящейся в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде под шифром ГПБ, Q. п. 1.57. Эта рукопись ранее принадлежала Синайскому монастырю и была привезена в Петербург Порфирием Успенским. Первые листы рукописи потеряны, и она начинается с чина утрени. Найденный лист показывает, что рукопись содержала чин курооглашения, как и другие славянские рукописи.

6. Кроме перечисленных богослужебных рукописей найдены 3 Евангелия. Особенно ценными являются 9 листов Добромитрова евангелия — болгарского списка XII в. Это добавление к рукописи, большая часть которой хранится в Публичной библиотеке в Ленинграде (Q. п. 1, 55) и меньшая часть на Синае. Обе части опубликованы в 1975 г. Б. Велчевой [11].

7. Значение остальных найденных богослужебных рукописей определяется прежде всего тем, что в них содержатся мно-

гие тексты, до сих пор нам не известные. Так, найденная потерянная часть Еввергетидского устава, перевод которого приписывается св. Савве, архиепископу сербскому. Сербская рукопись 14/Н первой половины XIII в. сохранила уставные указания на службы всего года и службы Поста. Как указывает И. Тарнанидис, сербский перевод содержит некоторые особенности по сравнению с тем греческим оригиналом, который опубликован А. Дмитриевским [12]. Эти особенности могут объясняться и отличием греческого оригинала, с которого был сделан славянский перевод. В настоящее время И. Тарнанидис готовит к публикации этот славянский список Еввергетидского типикона. В наших библиотеках есть некоторые сербские рукописи, которые составлены по этому уставу. На одну из них нам указал А. М. Пентковский. Это Триодь, хранящаяся в Публичной библиотеке в Ленинграде под шифром ГПБ, F. п. 1.92.

К вновь найденным текстам можно отнести и гимнографические. Например, в сербском списке 15/Н (XIII—XIV вв.) имеется канон на Преображение 4-го гласа «Приидите възидьмъ съ с(ъ)и(а)сомъ на гору фаворскую». И. Тарнанидис отмечает, что этот канон неизвестен в греческих и славянских Минеях (с. 142). Есть и неизвестные стихиры на Благовещение (34/Н), на праздник положения пояса Пречистыя Богородицы в Халкопратии (33/Н), неизвестные кондаки сербскому архиепископу Савве на 4 января и Симеону Новому на 13 февраля (12/Н). Присутствие таких неизвестных песнопений в сербских списках показывает, что сербские богослужебные рукописи XIII—XIV вв. имели много особенностей по сравнению с болгарскими и русскими списками. Это проявлялось и в том, что сербские списки имеют другую редакцию служб первоученику Стефану, чем болгарская Миней XIV в. (ГПБ, F. п. 1.72), сохранявшая текст доафонской правки, и иную, чем русские Миней XV—XVI вв. (ГПБ, Q. 1.64). Таким образом, эта служба имела по крайней мере три редакции, отличающиеся составом стихир и чтений.

В сербской рукописи XIII—XIV вв. (12/Н) сохранилась особая старшая редакция Акафиста, близкая к древнейшей редакции — шафариковской (из Триоди Шафарика ГПБ, F. п. 1.74), судя по общим чтениям, которые больше ни в одной редакции не встречаются: в икосе 12 «Хотешу симеону отъ соузънаго» (в остальных «отъ инынешнаго») и в икосе 17 «Риторомъ великоу вѣщанъ» (в остальных «Вѣтъи многотвѣщанъ»). Но в шафариковской редакции икосы расположены в порядке славянского алфавитного ак-

ростиха, таким образом, нарушен первоначальный порядок следования строф по греческому алфавитному акростику. В сербской же рукописи порядок следования икосов строго соответствует греческому оригиналу. Итак, перед нами новый вариант шафариковской редакции.

В сербской Триоди 36/N XIII—XIV вв. (1 лист) содержится неизвестная редакция служб «Последования страстей» в Великий пяток, о чем можно судить по снимку (№ 25) 1-го листа, на котором написаны последние строки блаженного² тропари перед троициным тропарем и троициный тропарь. Особенностей редакции три. 1) Троициный тропарь «Отца же и сына» есть в наиболее поздних типах Триоди [13] — орбелеском и гимовском, а в наиболее ранних типах — в шафариковском и загребском — его нет. 2) Перед троициным стоит тропарь «Живносна ти ребра», который в остальных типах Триоди ставится намного раньше. 3) В последних сохранившихся колонах этого тропаря читается *напакующе*, в остальных же редакциях вместо *напакующе* встречаем *оучаща* (ГПБ, Ф. п. 1.74, л. 130 об) *наоучаща* (ЮАЗУ, IV, 107, л. 158 об). К сожалению, в сербской Триоди (ГПБ, Ф. п. 1.92), которая составлена по Евергетидскому уставу, это место испорчено, но зато троициный тропарь не имеет ни одного разночтения с тем же троициным тропарем в списке Триоди 36/N. Но редакция блаженных тропарей другая, потому что перед троициным тропарем поставлен другой тропарь «Въ страд(а)ни твоѣмъ ГИ» (л. 58). Таким образом, можно заключить, что перед правой богослужебных книг на Афоне в XIV в. сербские Триоди были достаточно разнообразны.

Заканчивая этот далеко не полный обзор новой замечательной коллекции рукописей, еще раз отмтим громадный самоотверженный труд составителя ее описания И. Тарнаида.

Конечно, можно указать на некоторые недостатки, которые неизбежно должны быть в каждом большом и подробном описании рукописей. Например, называть отрывок богослужебной рукописи — не легкая задача тем более, если речь идет о рукописях, написанных до афонской правки XIV в., при которой был унифицирован состав богослужебных книг. Поэтому неудивительно, что мы встречаемся с неточностями и даже ошибками в названиях описываемых рукописей. На некоторые неточности уже указывалось. Далее. Не следовало рукопись 17/N называть палимпсестом, потому что название определяется содержанием. Лучше

назвать ее «Молитвы». Рукописи 19/N, 38/N, 39/N, 40/N удачнее называть Служебником, а не Liturgy, потому что литургия у греков входила в *εὐχολόγιον*, а у славян в Служебник. Но Евхологию именуются только два списка Требника (16/N, 31/N), которые лучше называть по-английски Ritual. Так же должна называться и рукопись 10/N, которая неудачно названа Services of canons. Канон — это часть служб. Кроме того, в этой рукописи есть чин причащения, три канона 6-го гласа; канон Богородице, который входит обычно в молебное правило, канон покаянный, канон молебный, которые тоже, очевидно, могли входить в правило. Чин причащения и правило обычно помещались в Требнике. То же касается и рукописи 12/N, которая названа в описании Canons-Kontakia (каноны-кондаки), которая содержит чин причащения, те же покаянный и молебный каноны, что и в рукописи 10/N (службу Акафисту) кондаки. Это тоже Требник. Рукопись 32/N не является просто Сборником служб (Miscellany of services), потому что на найденном листе есть только чтения из Апостола и Евангелия. Вероятно, это тоже Требник, в котором помещались такие чтения. Рукопись 15/N неудачно называется Services of canons. Так как в ней не улавливается закономерность в подборе канонов, ее лучше назвать Богослужебный сборник (Miscellany of services) или просто Каноны (Canons). Рукопись 24/N лучше называть «Сборник поучений и Требник» (Miscellany of Homily and Ritual), потому что с 54 листа излагается чин освящения воды на Крещение, а затем даются прокимны с апостольскими и евангельскими чтениями.

Можно отметить следующие неточности в описании. Сравнивал Синайскую псалтырь с Псалтырью Дмитрия Олтарника, автор замечает, что они принадлежат одной традиции, но в последней более упрощенный язык (simplified language) (с. 98), что говорит о более поздней датировке. Что значит «упрощенный язык» — не совсем ясно.

Есть неточности в воспроизведении славянского текста. Например, на с. 163 читаем: *болѣзнь нудитме изрещи (надо нудит ме)*; на с. 101 *тъ ибо реди б(ого-роди)це надо тѣи бо*.

Когда есть возможности сравнить описание рукописи со снимком, на котором воспроизведен хотя бы один лист из нее, то можно найти некоторые погрешности. Так, при сравнении описания рукописи 34/N (с. 173) со снимком № 24 обнаруживается следующее. В описании перед словом *образъ* следовало поставить многоочие, потому что это продолжение стихир, начало которой утрачено. В описании

² Блаженный — тропари, поющиеся с Заповедями блаженства.

же получилось, что этим словом начинается стихира. Кроме того, видно, что на листе есть еще одна стихира «Что ти приедемъ», которая оказалась пропущенной в описании. Автор отмечает только следующую за ней стихирой «Августу «дн-новластоуощу», при этом неудачно обрывает последнее слово.

Но эти неточности отнюдь не умаляют высоких достоинств описания-исследования И. Тарнаишиса.

Найденные рукописи нуждаются в дальнейшем изучении, которое может многое добавить к уже сделанному описанию (например, уточнить датировки рукописей — мы специально не останавливались на этом вопросе), и, дать много новых, возможно, неожиданных для нас, сведений о славянской письменности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Arranz M. O. И. Как молились Богу древние византийцы. Суточный круг богослужения по древним спискам византийского ехлогия. Л., 1949. С. 143—145.
2. Пространно житие на Константин-Кирил философ // Климент Охридский. Собрания съчинения. Т. 3. София, 1973. С. 105.
3. Тот И. X. Бычковская псалтырь XI в. // *Dissertationes Slavicae*. V. VIII.

Szered. 1972. С. 71—96 + 16 листов фотогр.

4. Altbauer M., Lunt H. G. An Early Slavonic Psalter from Rus'. V. 1: Fotoreproduction, Harvard, 1978.
5. Срезневский В. И. Древнеславянский перевод Псалтыри. СПб., 1897. С. 14—17.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. Т. I. М., 1964. С. 364.
7. Slovník jazyka staroslověnského. Seš. 4. Praha, 1961.
8. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 8. М., 1981. С. 140.
9. Lampe G. W. H. A Patristic Greek Lexicon. V. I. Oxford, 1961. P. 70.
10. Горский А. В., Невострев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. III: Книги богослужебные. М., 1869. С. 538.
11. Добромирово евангелие. Български наметник от началото на XII век / Подготви за издаване Велчева Б. София, 1975.
12. Дмитриевский А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т. I. Киев, 1895. С. 499—614.
13. Момина М. А. Вопросы классификации славянской Триоди // ТОДРЛ 1983. Т. 37.

Момина М. А.

Шварцкопф Б. С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. 191 с.

Чтобы оценить любую научную работу, прежде всего, по-видимому, следует ответить на вопрос, зачем эта работа сделана, какое место в общем контексте научных исследований она занимает. Относительно рецензируемой книги ответы на эти вопросы заложены в ее подзаголовке: работа написана для того, чтобы обсудить вопрос о пунктуации как системе и показать практическое функционирование этой системы или, проще говоря, исследовать современную пунктуационную практику. И то, и другое, несомненно, важные и своевременные задачи. Д. Н. Шмелев, выступая в роли официального оппонента на защите рассматриваемой здесь книги в качестве докторской диссертации, отметил, что современная русская пунктуация воспринимается обычно как набор разрозненных правил, а потому стремление Б. С. Шварцкопфа обнаружить в пунктуации систему заслуживает внимания как в теоретическом, так и в практическом аспекте. Другой официальный оппонент М. Ю. Максимов обратил внимание на актуаль-

ность функционального аспекта исследования, подчеркивая, что современная пунктуационная практика, современные пунктуационные потребности как бы переросли созданные более тридцати лет назад пунктуационные правила.

Системный подход к пунктуации был обоснован еще в 1933 г. А. А. Реформатским [1], однако его идеи в этой области не получили затем сколько-нибудь существенного развития. Между тем поиски системы в пунктуации, как убеждает книга Б. С. Шварцкопфа, весьма плодотворны. Правда, надо заметить, что редкое лингвистическое исследование сейчас не маркирует себя как системное. Под системой, однако, часто понимается всего лишь так или иначе упорядоченная подача материала. Б. С. Шварцкопф стремится к более глубокому толкованию системы. Дается следующее общее определение системы: это «...форма организации некоторого целого (некоторой целостности), строению которого свойственны: а) взаимосвязь и взаимодействие составляющих частей (компонентов, эле-